

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**ЭХО
СЕВЕРНЫХ
СКАЛ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 **Эхо северных скал / Александр Тамоников.** — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-180275-2

Фашисты планируют создать в советском Заполярье свои секретные морские базы. В случае удачи их субмарины станут серьезной угрозой нашему тылу. Группе майора Максима Шелестова поручено обследовать побережье и изучить имеющиеся сведения о возможном появлении там немцев. Максим выясняет, что фашисты действительно высаживались в указанном районе и даже успели составить подробную карту удобных бухт и фарватеров. Известно, что с ее помощью они в ближайшее время намереваются проникнуть на одну из советских баз и захватить топливо для своей лодки. Майор решает встретить «гостей» смертоносным сюрпризом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180275-2

© Тамоников А.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Солнце, бесконечно долго висевшее над самым горизонтом, наконец стало подниматься. Старый Ясавэй улыбнулся солнцу, как доброму другу, и откинул на спину капюшон. Свежий морской ветерок стал трепать его седые волосы. Руки еще были сильны, глаза зорки, а ноги не утомимы. Ясавэй был одним из самых удачливых охотников, не зря его имя означало «знаток местности». Солнце не успеет подняться, как охотник доберется до острова Долгуш. Там лежище тюленей, или зайцев¹, как называют этих животных местные.

Хорошая добыча. Старик привычно греб, размышляя о жизни, о природе, об охоте. Тюлень — это ремни. У лахтака толстая кожа, с крупного самца, если снимать кожу полосой в

¹ Морской заяц, или лахтак. Поморы и местные охотники называют его просто «заяц», а обычных зайцев зовут «ушканы».

два пальца по спирали, можно получить ремень длиной в десять метров. А еще мясо и жир. Жир помогает женщинам выделывать хорошую, прочную замшу. Два внука, незаменимые помощники Ясавэя, уже уехали с побережья, увозя на нартах четыре разделанных туши. Завтра они вернутся на берег и будут ждать деда с новой добычей. А добыча будет, хорошая добыча. Охотник знает, как подобраться к лежбищу тюленей, не спугнув животных. Нужно встать ближе к воде, чтобы испуганные тюлени бросились к воде и как можно дольше были на прицеле Ясавэя. Тогда он сможет сделать четыре или пять выстрелов.

Охотник причалил к берегу там, где было мало больших камней. Надежно привязав лодку, он вытащил на берег все свое имущество — воду, запас еды. Спички, трубку и кисет с табаком положил сверху. Курить нельзя, с собой брать нельзя. Зайцы сразу почувствуют запах табака и дыма и бросятся в воду. Они знают, что от человека может исходить такой запах, а человек для них враг. И пройти по берегу до лежбища придется километра два или три. «Ничего, — подумал старик, — вернусь с добычей, сяду на берегу, буду отдыхать, курить трубку, смотреть на солнце и благодарить его за свет и тепло. И море буду благодарить за добычу, и буду разговаривать

с душами убитых животных, благодарить их, что не дают умереть от голода «настоящим людям»¹. Все живет и все умирает, чтобы жить дальше. Все просто в этом мире, спокойно и размеренно». Так думал старый охотник, так же думали его предки, веками жившие в этих местах. Потому и жили в мире с природой и друг с другом.

Тревога внутри появилась сразу. Ясавэй сначала почувствовал тревогу, почувствовал близость чужаков и только потом уловил запах чужого тела, запах металла и одежды других людей, запах чужого, незнакомого табака. Охотник обернулся. Трое незнакомцев в странной одежде и с оружием смотрели на него. Они появились из-за камней, лежавших на берегу метрах в тридцати от него, и теперь смотрели холодно, пристально. И то, что у двоих висело на груди на ремнях, было оружием. Это старик понял сразу. Короткое ружье без приклада с длинной железной рукоятью снизу. Зачем такое оружие, как из него можно прицелиться и попасть в добычу с большого расстояния? «Неумное оружие, — подумал охотник и тут же отогнал от себя эти мысли. — Не о том надо думать, когда встречаешь в тундре или в море другого человека.

¹ Ненец, или ненэй, ненэч — буквально переводится как «настоящий человек».

Надо спросить, не нужна ли помощь, не попал ли человек в беду?» Но эти трое не выглядели попавшими в беду.

И тогда охотник медленно снял с плеча свой карабин и осторожно положил на тюк с вещами. Взяв кисет и трубку, он показал их незнакомцам.

— Курить хочешь, человек? — спросил Ясавэй. — Есть табак. Говорить будем!

Незнакомцы чему-то рассмеялись, переговариваясь, и старик подивился странному языку этих людей, которого ни разу в жизни не слышал. Резкий, какой-то лающий! «Люди-псы, — подумал он, но снова постарался прогнать плохие мысли о незнакомцах. — Надо думать хорошо!» Это была последняя мысль старика. Дальше он успел только удивиться, когда один из чужаков направил на него свое оружие, и оно выстрелило короткой очередью с сухим треском. Пули ударили старику в грудь, и его ноги подкосились. Незнакомец в морской фуражке с белым верхом подошел к охотнику и толкнул тело ногой.

— *Wirf es ins wasser*¹, — приказал он.

Мотор самолета гудел ровно и даже как-то убаюкивающе. Буторин смотрел на товарищей,

¹ Бросьте его в воду (*нем.*).

как те сонно моргали глазами, пытаясь бороться со сном. Когда ты двое суток не спал, когда ты замерз как собака под дождем и на ветру на продуваемом аэродромном поле, когда ты застыл в ледяном фюзеляже транспортника, в котором практически отсутствовали теплоизоляция и отопление, то самое приятное, это достать из баулов специально выданное теплое белье и куртки. И когда группа наконец оделась по-северному, когда оперативники согрелись и стала пропадать мысль о вожделенных «наркомовских ста граммах», глаза у всех стали слипаться. Лететь было еще часа три, и Шелестов велел всем спать час. Виктор нахмурился, глядя на северные скалы, проплывающие под крылом «дугласа». Сразу вспомнились скалы Норвегии, полярная ночь и взрыв, который похоронил под обвалом замечательную храбрую девушку, норвежскую партизанку по имени Мэрит. Нет, нельзя сейчас давать волю эмоциям, подумал Буторин и отогнал воспоминания. Он прикрыл глаза и вдруг сразу провалился в глубокий сон.

А вот Шелестову не спалось. Он сидел, откинувшись на неудобную дюралевую спинку пассажирского кресла, и думал о предстоящей операции. Охват территории очень большой. Фактически группе предстоит искать иголку в

стоге сена. Проводить армейскую поисковую операцию, снимать с боевых дежурств силы Северного флота или военную авиацию глупо, потому что они нужны на фронте, а доказательства того, что немецкие подлодки забираются в северные воды, лишь косвенные. Да, действовать в советских полярных водах гитлеровские субмарины активно не могут, потому что нет для этого технических возможностей. Им нужны базы для ремонта и дозаправки. Но если они создадут такие тайные замаскированные базы, тогда подлодки смогут атаковать конвои союзников и после прохода ими Норвегии и даже в Белом море. И ничто не сможет немцам помешать атаковать даже порты, в том числе и Архангельский. И уж точно не сможет безопасно действовать Северный морской путь.

«Нет, я прав, — думал Максим, — я правильно решил. Нельзя расплыть наши и без того мизерные силы, как предлагал Берия, нельзя бросать каждого члена группы одного на большие территории. Мы будем двигаться от Архангельска на восток группой, но охватывать и проверять большие районы. Тогда в критической ситуации, в случае опасности, мы сможем собраться вместе, я смогу помочь каждому, когда все будут в пределах хотя бы однодневной доступности.

Транспорт нужен: самолет, вездеход, олени упряжки. Хотя самолет для поиска бесполезен — ни черта с него не увидишь среди скал. Самолет годится нам как транспортное средство только для высадки, но и это огромная помощь.

Тысячи километров полярных берегов. Кажется, что работа бессмысленная и пустая. Но так считать может лишь наивный человек. Да, четверым эта работа не под силу. Но искать надо не столько самим, сколько собирать у населения сведения. Десятки и сотни людей что-то видели, слышали, находили какие-то следы. Не самим эти следы надо искать, а опрашивать рыбаков, оленеводов, охотников, летчиков. А вот когда появятся конкретные сведения, тогда следует и осматривать местность в нужном месте. Нет, я прав, что настоял на своей стратегии поиска, — с удовлетворением подумал Шелестов. — Не думал, что Лаврентия Павловича удастся убедить. Недооценивал я Берию».

Заместитель начальника окружного управления НКВД внешне чем-то напоминал бывшего наркома Ягоду. Такой же щуплый, невысокий, с быстрыми глазами и влажным ртом, который он постоянно облизывал. Было в нем что-то гаденькое, вызывающее брезгливость. Но приходилось

стараться на это не обращать внимания. Самого начальника не было — его срочно вызвали в Москву. Да и по оценке Платова майор Бирюков был работником толковым, расторопным.

— Вам должны были сообщить о прибытии нашей группы, Аркадий Сергеевич. — Шелестов уселся в предложенное кресло напротив стола майора.

— Так точно, сообщили, — поспешно отозвался Бирюков. — И меры мы принимать уже начали. Я отдал приказание разослать телефонограммы и радиограммы уполномоченным на места. Как только появятся сведения о немцах, мне сразу сообщат.

— Важно, чтобы сообщали не только о немцах, не только об увиденных подводных лодках, — напомнил Шелестов. — Все сведения о непонятных происшествиях, о пропавших людях, о чужаках, о странных следах на побережье материка, на островах. Пусть ваши сотрудники больше общаются с коренным населением: с оленеводами, охотниками, рыбаками. Ненцы могут и не понять, что это враг, они понятия не имеют о подводных лодках, но у них острый глаз, и они могут заметить такие следы, мимо которых мы с вами пройдем мимо. Вы понимаете меня, Аркадий Сергеевич?

— Да-да, — с готовностью закивал Бирюков и стал что-то записывать на листке бумаги. — Следы! И о следах сразу же сообщать мне сюда. А я, стало быть, сразу же вам сообщу.

— Разумеется, — сдерживая раздражение, согласился Шелестов. — Мы будем поддерживать связь с вашим управлением. А вы не просто сообщайте нам, а ориентируйте ваших сотрудников на проверки всех странных фактов, всех подозрительных случаях и следах. Пусть сразу выезжают и проверяют на месте, опрашивают людей. Сколько ваших оперативников могут быть задействованы одновременно на территории от Архангельска до Новой Земли?

— В настоящий момент, — тоном рапортующего об успехах сотрудника начал говорить майор, — мы довели приказ до двадцати оперативников, находящихся на местах. До конца месяца нам удастся оповестить еще около двадцати человек, а к концу лета...

— Очень на вас надеюсь, Аркадий Сергеевич.

Шелестов поднялся, не дождавшись окончания бодрого рапорта Бирюкова. Разговаривать с этим человеком было больше не о чем. Максим надеялся, что с возвращением из Москвы начальника управления работа будет налажена, и

сведения действительно будут поступать, и розыск пойдет своим чередом, как положено. Наверняка Платов проинструктирует начальника окружного управления лично.

«Видимо, рассчитывать все же придется только на себя, на свои силы, — подумал Шелестов, выходя из здания управления. — Кто-то не в состоянии помочь, кто-то просто не сумеет, а кто-то будет делать вид, что помогает, что прикладывает усилия. Так ведь спокойнее, когда делаешь вид, что работаешь». Но Максим обязан был попытаться привлечь к заданию всех, кто хоть как-то мог помочь, у кого были силы и средства для этого. Увы, приказ из Москвы не всегда решал все и так, как надо.

О том, что на берегу пропал ненецкий охотник, Сосновский узнал возле продовольственного магазина. Здесь пылилась совхозная полуторка, чей-то мотоцикл с коляской и несколько оленьих упряжек.

— Море забрало, большая вода, — пояснил старик-ненец. — Тундра берет, тайга берет, море берет. Оно нам дает и взамен берет. Так всегда жил наш народ.

Но Михаила такое объяснение не удовлетворило. Он подсел к старому оленеводу, достал

пачку хорошего трубочного табака. Старик степенно кивнул, выбил трубку и стал набивать ее табаком, который предложил незнакомец. Соновский знал туземные обычаи и, чтобы не тянуть в рот трубку старика, который ею его обязательно угостит и из которой он должен сделать несколько затяжек, достал другую и тоже набил табаком. Так они и сидели на нартах. Чтобы расспросить ненца о том происшествии, требовалось много времени. Михаил плотнее запахнул ватную фуфайку, поднял воротник и, усевшись удобнее, окунулся в долгий ритуал общения.

Они выкурили по две трубки, прежде чем стало ясно, что охотник добывал тюленей и что отправился на остров, где было их лежбище. Но назад он не вернулся, хотя внуки с упряжками его ждали на берегу весь день и еще один день. Лодка? Что представляют собой утлые лодчонки ненцев, Михаил уже знал. Деревянный гнутый каркас, обтянутый тюленьей шкурой. Сильное волнение, острый камень под днищем. Да и разъяренный самец может накинуться и опрокинуть лодку в море. Охотники, конечно, народ опытный, но бывает всякое.

До стойбища было недалеко, всего каких-то километров двести. По масштабам заполярной тундры — это почти рядом. Пара сильных оле-

ней бежала спокойно по ровной, как стол, тундре. Только далеко на северо-востоке в дымке поднимались какие-то горы или скалы. Хотя это могла быть и именно дымка, своего рода мираж. Оленевод затаил бесконечную дорожную песню. Про такие песни говорят, «что вижу, о том и пою». Сосновский задремал, лежа на нартах. Потом он почувствовал, что замерзает. Как его научили ненцы, он соскочил с нарт и побежал следом. Через несколько минут ему стало жарко, и он снова упал боком на нарты рядом с оленеводом. Тот одобритительно заулыбался. Дальше бежать нельзя — вспотеешь. Потный, ты замерзнешь еще быстрее и заболешь. Русским нельзя в тундре болеть, умереть можно. Ненцы не болеют, они знают, как лечить и чем. Русскому лечение не поможет, а жителям тундры помогает. «Сказки, — думал Сосновский, слушая рассуждения оленевода. — Еще как умирают и в их среде. Только они это относят на счет воли духов, которые сами знают, когда и кого забрать».

Мальчишек было четверо. И, как смог определить Сосновский, все они в возрасте от восьми до двенадцати лет. И в таком возрасте они вполне самостоятельные помощники в своей семье и в стойбище. Их отпускают, зная, что дети справятся и с оленями, и с любой проблемой, кото-

рая может возникнуть в тундре вдали от дома, от взрослых. Рано здесь взрослеют, рано.

— Здесь мы ждали Ясавэя, — показал мальчик грязным пальцем на мелкий щебень, который слегка перекаtywала морская волна. — Лодку толкнули, и он поплыл к острову. А мы поехали в стойбище отвозить мясо. На следующий день пришли и ждали его два дня. Он не вернулся.

— А взрослые на остров не пошли? — удивился Сосновский. — А вдруг с Ясавэем там беда случилась, вдруг ему помощь нужна? Он же старый, вдруг с сердцем плохо.

— Ясавэй сильный охотник, он никогда не устает и никогда не болеет, — с гордостью заявил другой мальчишка. — Он нас учит. Он наш учитель.

— Как будто учитель не может заболеть, — проворчал Михаил и повернулся к взрослым ненцам. — Лодка нужна! На остров надо идти, вашего старика искать!

Ответ Сосновского тоже удивил. Точнее, не сам ответ, а именно реакция. Ненцы переглянулись, будто не поняли этого настырного русского. Один из них, с короткой трубкой во рту, подошел к берегу, посмотрел на воду и тихо спросил:

— Зачем идти? Если Ясавэй утонул, умер там, на острове, то охота плохая. Нельзя зверя бить в том месте, где человек умер. Ясавэя вода забрала, идти не надо, нельзя противиться духам. Они сами знают, когда и кого забрать. Шаман у костра с духами разговаривал. Духи сказали, что в воде Ясавэй. Нет его на земле. Зачем идти?

— Вот что, друг, — Сосновский посмотрел в узкие добродушные глаза ненца и положил ему руку на плечо. — Я с вашими духами спорить не буду и не хочу, чтобы и вы с ними поссорились. Но мой шаман мне сказал, что Ясавэя убили нехорошие люди. Может, он и в воде, может, его тело бросили в воду, но мне нужно обязательно понять, кто и как убил вашего охотника. Ясавэя не вернешь, но мы с тобой должны сделать так, чтобы никто из нехороших людей больше не убивал охотников и оленеводов. Надо найти, поймать нехороших людей. Тогда в тундре и в море снова будет не опасно. Понимаешь меня?

— Ты будешь стрелять в нехороших людей? — Ненец потрогал автомат «ППС», висевший на плече у русского.

— И ты будешь! — заверил его Михаил. — Это же нехорошие люди!

— В человека стрелять нельзя, — нравоучительно заметил ненец. — Песец можно, тюлень можно, а человек нельзя.

— Черт, нельзя, значит, не будешь, — начал злиться Сосновский. — Мне следы надо найти, мне надо, чтобы ты мне помог разобраться в следах. Понимаешь меня, охотник?

Михаил боялся, что лодку ему придется ждать несколько дней. Однако охотники вопрос решили довольно быстро. Не прошло и трех часов, как на берегу появились ненецкие нарты «хасава хан». В воздухе над рогами оленей замелькали длинные шесты — хорей. Улыбающиеся олениводы сняли и поставили на траву две легкие лодки из тюленьих шкур. Выяснив, кто из ненцев хорошо знает пролив между островом и материком и сам бывал на Долгуше, Сосновский стал торопить своих новых друзей с отплытием.

Море было спокойным, а ненцы гребли умело и споро. Сосновский стоял на коленях во второй лодке и внимательно смотрел вокруг. Всплытие подводной лодки трудно не заметить, но если она всплыла только на перископную глубину, то можно и пройти мимо в нескольких сотнях метров от нее. Но Михаил не ждал появления немецкой субмарины. Его беспокоило то, что фашисты могут оказаться на острове, а

две лодки сейчас очень уязвимы и беззащитны. «Может, я зря ринулся с этой проверкой? — подумал Сосновский. — Может, надо было ребят подождать и под серьезной охраной с солдатами обследовать остров? Нет, — снова успокоил он себя. — Так мы будем несколько лет здесь копошиться, если на каждый чих будем собирать войсковую операцию». Поправив на голове ушанку, он снова стал внимательно смотреть по сторонам и особенно на приближающийся каменистый остров, над которым кружили стаи северных чаек.

— Там пристать нужно, — показал ненец рукой в сторону берега, где было мало валунов, обломков скальной породы.

Вода тихо набегала на мелкое каменное крошево и откатывалась назад, Сосновский встал в лодке и осмотрелся. Охотник снова замал рукой, показывая куда-то вперед, и пояснил:

— Там лежбище, на другой стороне. Туда плыть нельзя, зайцев распугаем, уйдут с острова. Человека зверь не любит. Много приходит человек — зверь уходит. Надо по суше идти напрямик. Сверху смотреть на лежбище надо.

Сосновский спрыгнул на берег, когда лодка легко ткнулась носом в каменистую россыпь. Он осмотрелся по сторонам и нахмурился. Да, на та-